

И Баньбань привык к заботе со стороны хозяйки квартиры, поэтому, увидев на пороге Ли-цзе, сразу встревожился.

— Что случилось, Ли-цзе? Не волнуйтесь так, — он поспешно шагнул к ней. — Рассказывайте по порядку. Только не плачьте.

Ли-цзе была женщиной хрупкой и по-детски наивной — даже рождение ребенка, которому уже исполнилось шесть, не стерло с её лица то светлое выражение человека, которого всю жизнь опекали близкие. Когда И Баньбань задерживался на работе, она часто оставляла ему ужин, а если у него случались перебои с деньгами, без лишних слов разрешала подождать с арендой.

И Баньбань искренне любил эту семью. Видя, что Ли-цзе выскочила в коридор в одних тапочках и наспех наброшенной куртке, с покрасневшими от слез глазами, он и сам не на шутку перепугался.

— Мой... мой внезапно упал в обморок, — выдавила она сквозь рыдания. — Дома только старики и дочка, я... я просто не знаю, что делать!

— Спокойно, сейчас мы отвезем Ли-гэ в больницу.

И Баньбань метнулся в комнату, на ходу натянул ветровку и, уже набирая номер скорой, бросился в соседнюю квартиру.

У входа их ждала бабушка Ли. Она в тревоге вглядывалась в коридор, не решаясь оставить спящую внучку, и, завидев И Баньбаня, тут же провела его в спальню.

Ли-гэ лежал на кровати с закрытыми глазами. Если бы не слова его жены, можно было подумать, что он просто крепко спит.

Скудных познаний И Баньбаня в медицине не хватало, чтобы определить причину обморока. Первым порывом было стащить соседа вниз на закорках, но он вовремя вспомнил, что некоторых больных нельзя лишней раз тревожить. Оставалось только ждать медиков.

Поправляя одежду на Ли-гэ, И Баньбань случайно коснулся его кожи и замер. Жар был таким сильным, что, казалось, мог обжечь. В голове, точно вспышка молнии, пронеслась догадка.

— У него лихорадка! — воскликнул он. — Ли-цзе, перед тем как потерять сознание, он жаловался на что-нибудь?

— Нет, ничего такого, — она совершенно растерялась, но изо всех сил пыталась вспомнить детали. — Вел себя как обычно. Ни кашля, ни боли в груди... Мы просто разговаривали, и вдруг он рухнул на пол.

— Он попал под дождь?

— Да-да! Забыл зонг, пришел домой промокший до нитки.

И Баньбань помрачнел. Заметив это, Ли-цзе задрожала еще сильнее.

— Что... что-то не так? В Юньчэне в последнее время постоянно дожди. У него крепкое здоровье, не мог же он свалиться от обычного дождя?

От обычного — нет. Но от «зеленого» — вполне.

Пункты того поста о правилах выживания в конце света всплыли в памяти сами собой. И Баньбань обнаружил, что помнит каждое слово, каждую букву этого текста.

«Если это правда... Если всё это правда...»

Он стиснул челюсти так, что зубы мелко застучали. В этот миг он с острой тоской осознал, как же дорог ему привычный уклад жизни. Пусть начальник — сущий дьявол, пусть в конце месяца придется сидеть на одном «дошираке», а в любви не везет и остается лишь издали смотреть на свою богиню в чужих объятиях...

Пусть жизнь полна невзгод, но это его жизнь.

И Баньбань не мог заставить себя представить, что станет с миром, если наступит апокалипсис. И что станет с ним самим?

Додумать он не успел — в квартиру ворвались врачи с носилками. И Баньбань поехал в больницу вместе с ними. Оказавшись на месте, он обнаружил, что в приемном покое среди ночи яблоку негде упасть.

Повсюду лежали люди в глубоком беспамятстве, всех бил сильный жар. Медперсонал сбивался с ног, в коридорах стоял невыносимый гул: плач родственников перемежался с криками боли. И Баньбань бегал по кабинетам, оформлял бумаги и пришел в себя только тогда, когда к ним наконец подошел врач.

— Температуру удалось сбить. Когда он очнется — зависит только от его организма, — дежурно отчеканил доктор фразу, которую, судя по голосу, повторил за ночь уже сотню раз. — Сами видите, мест нет. Если хотите оставить под наблюдением — только в коридоре. Советую забрать его домой и ухаживать там.

— Мы остаемся здесь! — всполошилась Ли-цзе. Внезапный обморок мужа так напугал её, что только близость врачей давала призрачное чувство безопасности.

— Нужно возвращаться, — твердо сказал И Баньбань, приходя в себя.

В голове всё еще царил сумбур, но инстинкт подсказывал: Ли-гэ нельзя оставаться в больнице.

— У него жар, ему нужен покой. А здесь даже присесть негде, не то что лежать. Дома ему будет лучше. Если станет хуже — больница рядом, я сразу его принесу.

Ли-цзе, не зная, что предпринять, полностью доверилась его уверенному тону.

Когда они вернулись домой, небо уже начало сереть. И Баньбань, облизывая пересохшие губы, после долгих колебаний всё же переслал соседке сохраненный текст «Кодекса выживания в конце света» и анализы других пользователей.

Он хотел, чтобы она была настороже, но, увидев на её лице скептическую улыбку, больше настаивать не стал.

Едва закрыв за собой дверь своей квартиры, И Баньбань почувствовал, как мир перед глазами накренился. Силы оставили его, и он тяжело опустился прямо на пол. Коснувшись лба, он почувствовал, как ладонь обжег жар.

«Значит, и у меня лихорадка...»

Мир окончательно померк, и он рухнул на холодный паркет.

И Баньбань не знал, что едва они покинули больницу, как туда пришел приказ сверху: немедленно изолировать всех пациентов с высокой температурой и ввести протоколы борьбы с особо опасными инфекциями.

Пока он был в беспомощности, в их доме дважды появлялись сотрудники социальных служб. Они переписывали всех заболевших и убеждали родных отправить их в спеццентры.

Ли-цзе, в чьей душе слова из поста всё-таки посеяли зерно сомнения, соврала, что у них всё в порядке. А когда её спросили про соседнюю дверь, она, испугавшись, выпалила, что арендатор уехал в родную деревню.

Так, по чистой случайности, И Баньбань избежал больничных стен. Ему не пришлось увидеть пробуждение монстров или самому стать их добычей в состоянии комы. Но всё это было лишь вопросом времени.

Неважно, какой дождь падал с небес — зеленый или красный, — город продолжал жить. Умытые улицы сияли чистотой, толпы людей привычно спешили по делам, перепрыгивая через редкие лужи.

Это было обманчивое затишье. Мир замер перед бурей, пока в тени совершалась жуткая мутация.

В городском зоопарке смотритель золотистых обезьян открыл вольер и сразу заметил своего любимца на самой верхушке дерева.

Мужчина улыбнулся и хлопнул в ладоши:

— Время обедать! Дашэн, спускайся живо!

Дашэн сидел к нему спиной и даже не шелохнулся.

Смотритель позвал еще раз, потом еще — никакой реакции. В груди шевельнулось недоброе предчувствие. Дашэн был вожаком, самым активным и умным в стае. Он никогда не игнорировал зов к еде, если только не был болен.

Мужчина решил достать сачок, чтобы поймать обезьяну для осмотра. Но стоило ему повернуться, как Дашэн резко обернулся сам.

Вместо умных карих глаз он уставился на смотрителя двумя кроваво-красными бельмами, сочащимися первобытной злобой. На мгновение человека парализовал животный страх. Он попытался отступить, но Дашэн уже сорвался с ветки, целясь прямо в лицо.

Крик боли разорвал тишину зоопарка.

Звери заволновались.

Гора Дацин

Съемочная группа закончила установку оборудования. Режиссер скомандовал «Начало!», и площадка ожила.

В кадре две актрисы с упоением разыгрывали сцену ссоры из-за мужчины. Режиссер, глядя в монитор, довольно кивал — дубль шел идеально.

Когда объявили перерыв, он снова и снова пересматривал отснятый материал, и он медленно поднял брови. Помощник заметил его замешательство:

— В чем дело? Актрисы же отлично справились, разве нет?

— К ним претензий нет. Просто что-то не так. Словно картинка не сходится... — режиссер потер подбородок, всматриваясь в фон, где стояло старое «Дерево желаний».

Вдруг он хлопнул себя по колену и вызвал кадры, снятые вчера. Сверив их с сегодняшними, он побагровел от ярости и вызвал декоратора.

— Вы что творите?! Мы должны соблюдать точность в каждой детали! Из-за вашего разгильдяйства весь сегодняшний день — в корзину! У вас глаза вообще есть?!

Режиссер орал, брызгая слюной, декоратор стоял, опустив голову, не смея оправдываться. Помощник заглянул в монитор и присвистнул. Теперь стало понятно, почему шеф в такой ярости.

Сцену снимали несколько дней. Чтобы не было «ляпов», декораторы обязаны фиксировать положение каждого предмета. Но тут случился какой-то бред.

На вчерашних кадрах самая массивная ветвь софоры тянулась на север. Сегодня же она смотрела строго на запад. Позиция изменилась кардинально.

Если бы это попало в эфир, зрители бы живьем съели их за халтуру. Декоратор чувствовал себя виноватым, но в глубине души пребывал в полном недоумении. Он был уверен, что закрепил всё как надо. Эта ветвь вековой софоры всегда смотрела на тропу, ведущую вниз с горы, её невозможно было перепутать.

Он подошел к дереву, чтобы проверить еще раз, и оторопел. Теперь толстый сук указывал на беседку на вершине.

«Неужели я совсем с ума сошел?» — подумал он, потирая затылок.

Режиссер скомандовал новый дубль, декоратор поспешил убрать лишнее, а над его головой тихо зашелестела листва. Старая софора, увешанная красными лентами и мешочками, едва заметно вздрогнула всем стволом.

До того как Линь Шу и его спутник выбрались из подземного туннеля, под зеленый дождь успело попасть множество людей. Фу Яньсю не был первым, кого свалила лихорадка.

Прошло десять часов с момента, как Фу Яньсю впал в забытие.

Число заболевших росло в геометрической прогрессии. Сирены скорых не смолкали ни на минуту, больницы были переполнены. Проницательные люди начали замечать странности.

У кого-то мутировавший эпипремнум за одну ночь оплел все стены. У кого-то домашний пес начал смотреть на хозяина не с любовью, а как на сочный кусок мяса. Самолеты и метро встали, связь снова начала давать сбой...

Мир, привыкший к шуму интернета, внезапно погрузился в тишину. Людям негде было поделиться своими страхами, и от этого тревога только росла, превращаясь в панику.

Без связи мир сузился до границ квартиры, и это чувство изоляции сводило с ума. А когда человек напуган, он перестает мыслить здраво.

Порядок начал рушиться.

В квартал с воем въехала очередная скорая — седьмая за утро.

Линь Шу мельком взглянул в окно и вернулся к тренировке.

Серовато-белый туман обволакивал его тонкие пальцы, плавно извиваясь, точно живая лента. По воле хозяина он то замирал, то принимал очертания иероглифа или крохотного зверька.

Линь Шу сжал кулак. Туман рассыпался на тысячи искр и впитался в его кожу.

С виду эта дымка казалась безвредной, но Линь Шу знал: после поглощения энергии Цветка высшей радости его туман обрел способность пожирать любую органику. Стоило ему проникнуть в тело врага, и Линь Шу мог получить способности своей жертвы.

Путь поглощения и слияния был самым эффективным для его эволюции.

Туман — вещь привычная, никто не станет от него защищаться. К тому же он изменчив: какую бы форму ни приняла эволюция, она всегда будет органична его изначальной сути.

Сейчас Линь Шу больше всего не хватало гибкости и плотности, чтобы превращать туман в подобие кнута.

С улицы донеслись крики. Линь Шу подошел к окну.

Апартаменты, в которых они остановились, выходили окнами и во двор, и на оживленную

магистраль. Шум шел от дороги.

Линь Шу увидел троих парней. Вооружившись битами и обломками труб, они вломились в магазинчик на углу. Послышался звон разбитого стекла, женский крик. Вскоре троица вышла, нагруженная добычей, но далеко уйти не успела — их перехватил патруль.

Линь Шу опустил взгляд. Он скрыл свои мысли.

Настоящий хаос начнется через три дня после зеленого дождя, когда очнутся первые мутанты.

Всегда найдутся те, чья жизнь была серой и невзрачной, и кто, обретя силу, возомнит себя богом.

Но куда опаснее были Падшие.

Ими двигал лишь голод. Существа, жаждущие человеческой плоти, просыпались и начинали кровавую жатву. Многие люди, радуясь, что их близкие наконец открыли глаза, в то же мгновение лишались головы.

Если зеленый дождь был лишь предупреждением, то пробуждение мутантов стало открытием врат в ад.

Прошло тринадцать часов с начала комы Фу Яньсю. Пронзительный крик разорвал тишину жилого комплекса.

Был рабочий день, и те, кто сидел в офисах, еще не понимали, какая тьма стущается в тенях городов. Но те, кто остался дома, видели калейдоскоп скорых и патрулей. Тревога сменилась ледяным ужасом.

Этот крик заставил людей вздрогнуть. Жильцы опасливо выглядывали из окон, пытаясь понять, что произошло. Люди по привычке хватались за телефоны, чтобы спросить в чате дома, но сообщения не уходили.

Неизвестность давила.

После крика в комплексе снова воцарилась тишина — зловещая, тягучая.

Линь Шу нахмурился и решил проверить обстановку.

Сначала он зашел в спальню к Фу Яньсю. Увиденное заставило его наконец расслабиться.

На его лбу вздулись вены, пальцы мертвой хваткой вцепились в простыни. Одеяло насквозь промокло от пота. Сквозь плотно сжатые зубы прорывался хриплый стон.

Тело мужчины сотрясала мучительная судорога. Его конечности пульсировали, меняя форму: человеческая плоть то и дело превращалась в мощные звериные лапы, покрытые прочной чешуей. С каждой такой мутацией раны на его теле затягивались.

Шел процесс мутации.

Если он выдержит — станет Пробужденным, элитой нового мира. Если нет — превратится в Падшего, кровожадную тварь, ведомую инстинктами.

Линь Шу ни на секунду не допускал мысли о провале.

Фу Яньсю не может проиграть.

И всё же, несмотря на эту уверенность, в глубине души Линь Шу грызло беспокойство.

Период мутации длится от восьми до семидесяти двух часов. Чем выше талант, тем быстрее идет процесс. В прошлой жизни Линь Шу понадобилось сорок девять часов — клеймо его посредственности.

Но Фу Яньсю был иным.

В той жизни он рассказывал, что очнулся всего через девять часов прямо в холле отеля, едва не получив копытом от недозревшей зебры-монстра с человеческой головой.

В этой же жизни прошло уже тринадцать часов, а он только начал меняться. Линь Шу злился на себя за это беспокойство, хотя понимал причины задержки.

Мутация напрямую зависит от состояния организма. В прошлый раз Фу Яньсю был на пике формы. Сейчас же он прошел через ад подземных туннелей, истощив себя до предела. Даже энергия Цветка не могла мгновенно восстановить растерзанное тело.

Туман Линь Шу не умел исцелять. Он смог восстановиться лишь потому, что сам прошел через эволюцию.

В процессе мутации все болезни и травмы стираются. Тяжелобольные встают на ноги, старики обретают вторую молодость.

Линь Шу не оставил Фу Яньсю в больнице именно поэтому: как только начнется пробуждение,

тело исцелит себя само.

Но раны были слишком глубокими. Мутация тратила силы на латание дыр, поэтому само пробуждение ядра затянулось.

Теперь оставалось только ждать.

Линь Шу передумал выходить на разведку. Он сел у кровати и начал осторожно стирать пот со лба Фу Яньсю.

В это же время в северо-западном крыле комплекса, в одной из квартир медленно открылась дверь спальни.

На полу лежал мужчина в деловом костюме, не подавая признаков жизни. Над ним, спиной к двери, склонилась женщина в черном платье.

Её плечи мелко дрожали, словно в рыданиях. Но когда она резко вскинула голову, в её зубах был зажат кусок сырого мяса.

Кровь брызнула во все стороны, заливая её изящную шею. Под телом мужчины расплывалась алая лужа, пропитывая белую рубашку.

Женщина, точно изголодавшийся зверь, с жадностью пожирала плоть. Хруст костей и чавканье заполнили тесную комнату.

Спустя время она наконец обрела ясность сознания. Она с брезгливостью отшвырнула изуродованное тело и попыталась встать, чтобы смыть кровь в ванной, но тут же повалилась на пол.

Она нахмурилась. Под подолом её черного платья что-то зашевелилось. Медленно, дюйм за дюймом, оттуда показался мощный красный змеиный хвост. Тварь еще не привыкла к новой части тела: хвост дернулся и снес ножку тяжелого дубового стола, превратив его в щепки.

Послышался грохот. Женщина довольно улыбнулась и, извиваясь, медленно поползла в сторону ванны.

Через двадцать минут Красавица-змея в шелковом халате, напевая что-то под нос, вплыла в кухню и потянулась к тяжелому тесаку для мяса.

<http://bllate.org/book/17473/1697339>